

неистребимо, как сама природа». Но порождено представление об «арбатстве» освоением созданного самим Окуджавой, тем, что было воспринято от него о характерном и привлекательном в арбатском жизненном укладе, арбатском образе мысли, арбатской историко-культурной традиции, арбатском прошлом, чертах этого прошлого в современности.

Андрей Белый, родившийся на Арбате и воспроизведший в стихах и в прозе Арбат рубежа веков и, подобно Булату, всю жизнь возвращавшийся мыслью к Арбату, тяготевший душой к улице своей юности, ввел в обиход слово «арбатцы». Но вкладывал в него лишь социотопографический смысл. Булат Окуджава утвердил в нашем сознании понятие «арбатство» уже и социокультурного смысла, и нравственного значения («арбатство, растворенное в крови»).

Тема «Арбат» сопутствовала всей жизни Булата Шалвовича и в том или ином виде отражена во всем многообразии его творчества...

Представление Окуджавы об «Арбате» как знаке культуры, как «символе» в плане типологии социокультурных явлений не оставалось неизменным. Оно отражало — причем и на внешне заметном, и на глубинном уровнях — путь развития его мироощущения и миропонимания, его историко-культурных представлений и пристрастий, изменения в направлениях его литературного творчества. Овладевая новым литературным мастерством, неизменно расширяя свой историко-культурный кругозор, проявляя тягу к новым формам или темам художественно-литературного творчества, писатель распространял эти новые знания и ощущения и на восприятие всего «арбатского».

Изначальные детские его представления об «Арбате» обогащались и усложнялись затем все время и новыми впечатлениями из житейского опыта, и от ознакомления с

многообразным историко-культурным наследием. Представление об «Арбате» в культурологическом аспекте, можно полагать, на первом этапе приближалось к тому, которое охарактеризовано в новаторских культурологических исследованиях профессора Георгия Степановича Кнабе (Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и «московский текст» русской культуры. — М., 1998).

Ученый сосредоточивает внимание преимущественно на ситуации первых советских десятилетий и исходит прежде всего из этих наблюдений, объясняя формирование особенностей культурного феномена «Арбат». Это помогает понять, как формировался первичный образ «Арбата» у юного Булата.

...Если не изначально, то с той поры, когда вернувшийся после фронта молодой человек почувствовал себя поэтом, и особенно в годы преподавания российской литературы (а значит, и нового приобщения к отечественному культурному наследию), а затем и в период все возрастающего интереса к истории России XIX столетия, «Арбат» все в большей мере воспринимался Окуджавой как воплощение взаимосвязи времен — взаимосвязи с ушедшей дореволюционной эпохой, ее культурой и повседневностью, с корневыми историко-культурными и нравственными традициями (и не только «Арбата», но и Москвы, всей России). С годами именно подобное представление о «символе» Арбата закреплялось и привело к осознанию историко-культурного понятия и историко-нравственной категории «арбатство», к стремлению «уберечь свое прошлое».

Вероятно, можно проследить, опять-таки опираясь на всю совокупность материалов творческого наследия писателя, как соотносилось изменение представлений Окуджавы об Арбате с углублением его познания образа Пушкина, душевным сближением поэта и гражданина второй половины XX века с Пушкиным. О Пушкине Булат Шалвович писал и говорил не